

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Если мы в песне поём, что «это есть наш последний и решительный бой», то, к сожалению, это есть маленькая неправда, - к сожалению, это не есть наш последний и решительный бой. Или вы рабочих и крестьян сумеете слить в этой борьбе, или не получите успеха.

В.И. Ленин

(Из доклада на II Всероссийском съезде политпросветов, 1921)

КОММУНИСТ ЛЕНИНГРАДА

№ 5/06 (53)

**АССОЦИАЦИЯ МАРКСИСТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ
РЕГИОНАЛЬНАЯ ПАРТИЯ КОММУНИСТОВ**

**Левые –
какие они
сегодня?**

Стр. 3

Новое
саморазоблачение
российского
правосудия

Стр. 13

**Наша
борьба**

Стр. 6

**«Яблочные»
национал-
патриоты**

Стр. 14

ПЕРВЫЙ

русский марксист.

Год 150-летия Плеханова

Стр. 20

КОНДОПОГА:

**причины и
следствия**

Стр. 11

**Китай –
противоречия и
перспективы**

Стр. 16

**МИР И
КЛАССОВЫЕ
БОИ**

Стр. 17

**ПЛЕХАНОВ И
ЛЕНИН**

Стр. 25

**ОБСЕ обескуражено
запрещением
митингов и пикетов в
нашем городе**

Стр. 12

**ПОЭЗИЯ
ОКТЯБРЯ**

Стр. 29

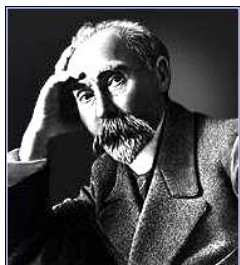
**ПИСЬМА НАШИХ
ЧИТАТЕЛЕЙ**

Стр. 30

**ЧТО ЕСТЬ
СОЦИАЛИЗМ?**

Вопросы теории

Стр. 31

На этот вопрос не может быть двух ответов. Всякий непредубежденный человек скажет: *«Да, должно; в противном случае оно делается участником этих ошибок и несет ответственность за них».*

Кто уважает решения 1910 г., тот обязан категорически сказать, что думает он об «определенных конкретных явлениях», осужденных этими решениями.

Авторы «Открытого письма», как видно вполне согласны с этим. И если бы мы спросили их, что думают они о «бойкотистском настроении», то они, вероятно, ответили бы: «Мы осуждаем его». А вот в «Гласном ответе» мы не встретили осуждения тем, которые отрицают или отрицают нелегальную работу.

Они говорят об определенном, конкретном и совершенно неоспоримом факте такого отрицания весьма уклончиво, а потому и весьма сбивчиво, неясно. Они не смеют ни похвалить, ни осудить. Правда. Есть и нечто совершенно ясное в их отзыве об этом печальном факте. Но **это** ясное производит безотрадное впечатление, свидетельствуя о том, что авторы «Гласного ответа» сильно пропитаны духом фракционной исключительности.

Судите сами, непредубежденные читатели. Авторы «Гласного ответа» выражаются следующим образом:

«Не станем сейчас говорить о том, как обстоят дела с бойкотистским настроением и увлечением фразой. Но какой добросовестный человек сможет утверждать, что среди разнообразных марксистских течений есть хоть одно, которое подходило бы под первый из указанных признаков «буржуазного влияния» (отрицание нелегальной работы)? Поэтому мы не видим основания как-нибудь определять наше отношение к одному из марксистских органов — «Нашей заре», что же касается марксистской «Северной рабочей газеты», только что в день рабочей печати, горячо поддержанной сотнями рабочих групп со всех концов страны, то наше отношение к ней определяется нашим полным солидарностью с ее направлением и тем, что она является органов всех сторонников единства».

Обратите внимание, товарищи, на утверждение, что «Северная рабочая газета» была органом **всех** сторонников единства. Это неправильно. Есть довольно много сторонников единства, не считавших «Северную рабочую газету» своим органом. Но авторы «Гласного ответа» не нашли возможным признать их существование. Почему же? Очень просто!

Они рассуждают так: те товарищи, которые не смотрели на «Северную рабочую газету» как на свой орган, может быть, и желали единства, но они желают его не по-нашему. А кто желает единства не по-нашему, тот не желает его. Вывод: «Северная рабочая газета» была органом *всех* сторонников единства.

Я еще совсем недавно получил с одной из далеких окраин России письмо, подписанное рабочим. Автор письма тоже хочет единства. Но он утверждает, что настоящего единства хотят только сторонники «Северной рабочей газеты». Он слышал о том, что, например, и я, грешный говорю об единстве. Но он убежден, — и он, не обинуясь, высказывает это убеждение в своем письме, — что единство, к которому стремлюсь я, не более, как единство в кавычках (его подлинное выражение), т.е., — не настоящее. А это показывает, что он рассуждает именно по только что указанной мною формуле: кто желает единства не по-нашему, тот не желает его.

Как же следует понимать тот факт, что товарищ рабочий, заброшенный судьбою на далекую окраину, рассуждает совершенно так, как рассуждают заседающие в Таврическом дворце авторы «Гласного ответа»?

Авторы «Гласного ответа» сами чувствуют, что их довод слаб. Они усиливаются его подпереть соображением:

«Но сейчас важнее, наконец, указать, что совершенно неверное утверждение, будто не декларация [социал]-[демократическ]ой фракции формулировано требование культурно-национальной автономии. Ничего подобного!

Наша декларация требует «создания учреждений, необходимых для свободного развития каждой национальности».

Итак, декларация не требует культурно-национальной автономии. Надо надеяться, что ее не требуют и авторы «Гласного ответа»: иначе они не ссылались бы на ее отсутствие в декларации, как довод в защиту своей коалиции.

Ваш Г.Плеханов
«Единство», 1.06.1914, № 2

ПЛЕХАНОВ И ЛЕНИН

В этом году отмечается юбилей Г.В.Плеханова (150 лет). По этому, в частности, поводу «Коммунист Ленинграда» печатает немало материалов, имеющих отношение к Плеханову. Среди читателей газеты с таким названием очень многие считают себя последователями В.И.Ленина, у которого с Плехановым были весьма сложные отношения. Для них должно быть интересно сопоставление этих исторических деятелей, желательно на высоком научном уровне. Пока этого нет, предлагаю несколько предварительных замечаний. Оба деятеля были необыкновенными выдающимися личностями, а вокруг очень выдающейся личности почти всегда создается своеобразная психологическая атмосфера. Объективно получается ситуация подавляющего интеллектуального превосходства лидера над окружающими. Все это понимают, но многим это не нравится. Для простых советских людей доступно и поучительно посмотреть с этой точки зрения на Ленина. Попутно состоится любопытный тест. Те, которые не поленились проверить хотя бы часть цитат (по 5 изданию, «полному» собранию сочинений), просмотреть подробности и примечания, имеют право считать себя более-менее достойными последователями. А те, которые этого не сделают, должны весьма скромно оценивать себя, как «верных учеников» вождя. Верность может при этом быть самой полной, но за прилежание такие ученики явно заслужили бы от великого учителя очень суровую оценку.

В мае 1920 года Советскую Россию посетил Бертран Рассел, крупнейшая величина в логике, математике и философии. Он дважды встречался с Лениным. В своем отчете «Практика и теория большевизма» (1920) Рассел приводит следующее наблюдение. «У меня сложилось впечатление, что он презирает очень многих людей и в интеллектуальном отношении является аристократом». Мы не можем проверить это непосредственно, зато у нас есть собрание сочинений, в котором можно найти откровенные высказывания, полностью подтверждающие то, что отметил Рассел. «Люди большей частью (99% из буржуазии, 98% из ликвидаторов, 60-70% из большевиков) не умеют думать, а только заучивают слова» (т.48, стр. 242). Явно необъективна здесь оценка степени интеллектуального превосходства большевиков над буржуазией, но и товарищей по партии Ленин оценивает по умению думать весьма невысоко. «Возможны всякие превращения, даже дурака в умного, но действительным такое превращение является редко. И по одной «возможности» превращения этого рода дурака я не перестану считать дураком» (т.49, стр. 320). Ни одного примера превращения дурака в умного Ленин не приводит, да и не занимался он никогда всерьез психологией глупости. Но не вызывает сомнений, что безнадежными дураками он считал очень многих.

В своем очерке о Ленине А.М.Горький отмечает, что для меньшевиков выступления Ленина были неприятны, а сам он более чем неприятен. Причину понять нетрудно всякому, кто читал полемические выступления Ленина. На рубеже 1920-1921 годов в партии большевиков была дискуссия о профсоюзах. Бухарин занял последовательную «буферную» политическую позицию и попытался обосновать ее «философскими» аргументами.

Ленин беспощадно разяснил и политическую, и философскую ошибки Бухарина (т.42, стр.289), при этом сравнительно добродушно посмеялся над «оппонентом». Едва ли тому было приятно, но это было терпимо, поскольку среди большевиков в ленинском превосходстве никто не сомневался, и при всей остроте дискуссии это была идейная борьба между своими, единомышленниками в главном. Интересы Ленина были весьма широкими. В частности, интересовался он и философией. Но занимался ею только тогда, когда внешние обстоятельства сильно ограничивали политическую активность – в сибирской ссылке, в эмиграции после поражения революции 1905-1907 гг., в годы империалистической войны. В «Философских тетрадах» есть комментарий к книге В.М.Шулятикова (1872-1912) «Оправдание капитализма в западноевропейской философии от Декарта до Э.Маха». Чаше всего Ленин употребляет слово «вздор». Итоговая оценка такова. «Вся книга – пример безмерного опущения материализма... до смешного натянутые, до нелепости неверные сопоставления. Карикатура на материализм в истории. А жаль, ибо есть стремление к материализму» (т.29, стр. 474). Вот так. Шулятиков был большевик, на сто процентов свой по партийной принадлежности, в том числе в философии. Он честен, добросовестен, эрудирован, старается выдерживать научную и материалистическую линию. Но все его достоинства не могут заменить ума. «Умный идеализм ближе к умному материализму, чем глупый материализм» (т.29, стр. 248). Ленин беспощадно констатирует глупость Шулятикова, но ограничивается комментарием для себя, не имея ни малейшего намерения высказываться публично, тем более, что «оппонента» к тому времени уже нет в живых. Плеханов несколькими годами раньше высмеивает шулятиковские нелепости, потратив довольно много бумаги на подробности. Особой ценности его критика не представляет, да и мудрено сказать что-то существенное по поводу философии Шулятикова. Очевидно различие отношения к «философскому» вздору. Ленин с сожалением констатирует глупость партийного товарища, Плеханов не без удовлетворения демонстрирует свое превосходство, хотя быть умнее Шулятикова – не бог весть какая заслуга. В «Философских тетрадах» есть удивительно самокритичное признание. «К вопросу о критике современного кантианства, махизма и т.п. Марксисты критиковали (в начале XX века) кантианцев и юмистов более по-фейербаховски (и по-бюхнеровски) чем по-гегелевски. Плеханов критикует кантианство (и агностицизм вообще) более с вульгарно-материалистической, чем с диалектико-материалистической, точки зрения, поскольку он лишь с порога отвергает их рассуждения, а не исправляет (как Гегель исправлял Канта) эти рассуждения...» (т.29, стр. 161). Самокритика «марксиста XX века» не только к Плеханову относится, но и к самому Ленину, хотя замечание о бюхнеровском уровне явно преувеличено. В главе о революции в естественности Ленин определенно превысил фейербаховский уровень (Плеханов не стал разбираться в связи философских споров с естественнонаучными открытиями). Но очень важно признание Лениным недостаточности разоблачения философской путаницы XX века, в особенности, как я понимаю, у выдающихся ученых-естествоиспытателей Э.Маха, В.Оствальда, А.Пуанкаре. Задача конструктивного исправления их заблуждений с марксистских позиций так и осталась нерешенной, а после появления теории относительности и квантовой теории постановка вопросов изменилась еще более радикально. Один раз в жизни Ленин имел возможность обсудить теорию познания с наиболее достойным оппонентом из всех своих современников – когда беседовал с Берtrandом Расселом в мае 1920 года. Но в тот момент ни одному из собеседников ни на секунду не пришла в голову мысль обсуждать философские разногласия. Обоих интересовали тогда совсем другие темы. В общем и целом по философским вопросам Плеханов и Ленин выступали с одинаковых позиций, и даже выражения при критике «оппонентов» были похожие, причем Плеханов

всегда уделял философии много внимания, а Ленин обращался к этим проблемам только тогда, когда обстоятельства сильно ограничивали возможности собственно политической деятельности, которая была главным предметом его интересов.

Мы убедились, что Ленин беспощадно критиковал ошибки и заблуждения своих товарищей и часто был невысокого мнения об их умственных способностях. Объектом его критики оказывались, в том числе, такие выдающиеся личности как А.М.Горький и А.В.Луначарский. Такие люди с очень большим трудом признавали свои ошибки и интеллектуальное превосходство «оппонента» (а бывало, что и не признавали). Но куда крепче доставалось противникам в классовом и политическом смысле – меньшевикам и либералам. Ленин не только досконально разбирал их ошибки по существу, но беспощадно издевался над уровнем интеллекта «оппонентов». Как Вам понравится, если Вам докажут (и весьма убедительно), что Вы не только напутали в конкретном вопросе, но и вообще болван, тупица, а то и вовсе идиот? В этом не было сознательного расчета морально подавить противника и в самой минимальной степени была демонстрация своего интеллектуального превосходства. Ленин просто говорил то, что думал, не считаясь с переживаниями «оппонента». Такая «линия поведения» не идеальна, но естественна для выдающихся людей. Послушаем А.С.Пушкина. «Зачем же так неблагосклонно Вы отзываетесь о нем? За то ль, что мы неугомонно хлопчем, судим обо всем, что пылких душ неосторожность самолюбивую ничтожность иль оскорбляет, иль смешит, что ум, любя простор, теснит... и что посредственностью одна нам по плечу и не странна?» Есть общая психологическая закономерность. Превосходящий ум неизбежно «теснит» и, более того, подавляет всех остальных, а самолюбивую ничтожность всего более чувствительно. Ленин был беспощаден к самолюбивым ничтожествам, которых именовал пошляками. Их ненависть была им вполне заслужена, и он хорошо знал это. Атмосфера ненависти была, конечно, тяжела для него, хотя и повторял он неоднократно вслед за Некрасовым, что «слышит звуки одобренья не в сладком ропоте хвалы, а в диких криках озлобленья» (к примеру, т.34, стр. 295). Нелегка была такая судьба, но «я все же не променял бы сей судьбы на «мир» с пошляками» (т.49, стр. 340). Почему такая непримиримость? Потому, вероятно, что мир с пошляками означал бы ограничение творческой активности и, еще важнее, ограничение его вклада в великое дело, ради которого он жил.

Посмотрим на резкий полемический выпад против либерального профессора М.И.Туган-Барановского. «Если г. Туган совсем не умеет думать, то во всяком случае он умеет читать... Но, когда господа профессора берутся опровергать социализм, то не знаешь, чему больше удивляться, их тупости или их невежеству или их недобросовестности. Придется начинать с азов, раз имеешь дело с г. Туганом... Личные особенности современных профессоров таковы, что среди них можно встретить даже редкостно-тупых людей вроде Тугана... Буржуазия все простит профессорам, лишь бы они занимались «уничтожением» социализма» (т. 24, стр. 361-364). «Тугановские» достоинства преувеличены, конечно, в очень большой степени. Тупоумие, невежество и недобросовестность не были редкостью даже среди дореволюционных профессоров, не говоря уже о теперешних. Среди тогдашних профессоров «г. Туган» никак не был чемпионом по тупости. Он был заметной фигурой в идейной борьбе 90-х годов, боролся против народнических воззрений с позиций «легального марксизма», и сам Ленин ценил его вклад в эту борьбу. Именно это и вызывало, по-видимому, в наибольшей степени раздражение Ленина. «Туган» был когда-то марксистом, хотя и легальным, и его поведение можно было в определенной степени рассматривать как измену. А к предательству Ленин был нетерпим до самой крайней степени. Ведь называл себя, скотина, марксистом, а не удосужился хотя бы прочитать то, что говорили по данному вопросу Маркс и Энгельс. Или сознательно проигнорировал

их разъяснения, что еще хуже. По поводу К.Каутского, которого никак нельзя обвинить в невежестве, Ленин издевается над его «гелертерской» ученостью. «Нельзя забывать, что Каутский знает Маркса почти наизусть, что судя по всем писаниям Каутского, у него в письменном столе или в голове помещен ряд деревянных ящичков, в которых все, написанное Марксом, распределено аккуратнейшим и удобнейшим для цитирования образом...» (т.37, стр.242). «Известна склонность Каутского от XX века поворачивать к XVIII, а от XVIII к античной древности, и мы надеемся, что, добившись диктатуры, немецкий пролетариат учтет эту склонность, посадив, скажем, Каутского гимназическим учителем древней истории» (т.37, стр. 244). Ренегат Каутский неизмеримо хуже «просто редкостно-тупого» Тугана по причине полнейшего предательства революции, прикрываемого к тому же цитатами из Маркса. Раз так, Ленин обзывает его по-древнегречески «сикофантом». В великом и могучем русском языке не хватило ругательства...

Взаимоотношения выдающихся личностей между собой в любом случае дело не простое. Практически всегда они очень хорошо отличают людей сопоставимого с собой уровня от пошляков и посредственностей. Естественно возникают ревность и соперничество со всеми издержками такого рода «человеческих. отношений». Но так бывает не всегда. Мы знаем впечатляющие примеры из жизни авторитетных для нас людей. Чернышевский и Добролюбов были совершенно равноценны по силе ума и практически неотличимы по идейно-политическому направлению. Когда они познакомились (в апреле 1856 года), первому было 28 лет, а второму – всего 20. С первого дня знакомства и до последнего дня жизни Добролюбова (Чернышевский пережил друга на 28 лет) ни тени соперничества между ними не было. Они были выше этого. Оба были беспредельно преданы одному и тому же великому делу и подчиняли ему все личное. То же самое характерно для взаимоотношений Маркса и Энгельса. Их решение было другое, продиктовано оно было другими обстоятельствами, но тоже было полностью подчинено интересам общего дела. Энгельс сознательно пошел на самую тяжелую для творческого человека жертву – сильное ограничение своего личного творческого вклада, ради того, чтобы материальной поддержкой спасти от гибели Маркса. Оба согласились, и объективно это так и было, что такое распределение ролей обеспечит максимальный суммарный вклад в общее дело, и осознанно подчинились объективной необходимости.

Плеханов и Ленин были самыми выдающимися фигурами во всей левой части тогдашнего российского политического спектра (и не только левой, и не только российского). Но их взаимоотношения не были и не могли быть похожи на взаимоотношения Чернышевского и Добролюбова или Маркса и Энгельса. Наиболее глубокой причиной этого было принципиальное различие политических позиций. Общего дела на самом деле не было, но выявилось это далеко не сразу. Намного раньше проявились чисто психологические факторы. В сибирской ссылке Ленин глубоко продумал проект коренной реорганизации существовавшего тогда социал-демократического движения в России. Основным звеном проекта было создание общерусской политической газеты. Установив связи с социал-демократическими кружками в России, Ленин выехал за границу. Важнейшим условием успеха было участие группы «Освобождение труда», которую возглавлял Плеханов. Летом 1900 года Ленин и Потресов явились к Плеханову для переговоров. И тут произошло то, чего они никак не ожидали. Свою версию случившегося Ленин изложил в письме «Как чуть не потухла «Искра»» (т.4, стр. 334). Это интереснейший психологический документ. Плеханов попытался морально подавить «молодых», захватить в еще не реализованном проекте единоличную власть, подобную той, которой он, как выяснилось, располагал в группе «Освобождение труда». Не заявляя свои претензии открыто и по-честному,

он нажал на «младших партнеров» психологически, туманными намеками давая понять, что без него ничего не выйдет, и они должны безоговорочно, хотя и не формально, ему подчиняться. Внезапность нападения дала Плеханову победу, но не более, чем на полдня. Как только прошли ошеломление и подавленность, «молодые» буквально взбесились. В одно мгновение многолетняя влюбленность в мудрого учителя сменилась самой яростной ненавистью. «Никогда, никогда в моей жизни я не относился ни к одному человеку с таким искренним уважением и почтением, ни перед кем не держал себя с таким «смирением» – и никогда не испытывал такого грубого «пинка»» (т.4, стр. 343). Остыв от бешеного столкновения, «воюющие», они же договаривающиеся, стороны сумели-таки прийти к соглашению, и газета «Искра» состоялась как важнейший этап в политической истории XX века. Она готовила II съезд партии фактически по ленинскому проекту, хотя формально первым лицом в редакции был Плеханов. По основному политическому делению того периода (борьба против оппортунистов- «экономистов») Плеханов, Ленин и Мартов были вместе. Они вместе создавали партию из бесформенного хаоса подпольных кружков и групп. Но впоследствии выяснилось, что они хотели создать разные партии. Один Ленин стремился к созданию организации революционеров, способной при благоприятных условиях перевернуть Россию. Прочие согласны были ограничиться менее решительными претензиями, зато иметь больше индивидуальной творческой свободы, не связанной жесткой дисциплиной.

Второй съезд открыл новый этап в развитии социалистического движения в России. Роли лидеров коренным образом изменились. На II съезде Ленин и Плеханов были вместе, и это во многом определило, какое именно направление получило название «большевистского». Но после съезда в только что созданной организации разгорелась ожесточенная борьба за власть в стиле, который рано было называть «аппаратным», но уже неуместно – «кружковым». Она завершилась переворотом в верхах, решающую роль в котором сыграла измена Плеханова большевистскому направлению (ноябрь 1903 г.). «Плеханов изменил нам» (т.46, стр. 317). Ленин остался в единственном числе среди более-менее авторитетных деятелей партии и был вытеснен из ее центральных органов. Но в низах партии преобладало все же большевистское направление. Ответственность за судьбу большевизма почти целиком легла на Ленина. И он справился. Он развил такую бешеную энергию, какая не снилась ни одному другому из тогдашних деятелей, включая Плеханова. То, что большевизм выжил, определилось уже к моменту выхода первого номера большевистской газеты «Вперед» (декабрь 1904 г.) и было закреплено III съездом партии (апрель 1905 г.). Ленин был способен стать вождем революционной организации и фактически стал им. Плеханов не был способен на что-то подобное. Он не мог быть и не стал фактически вождем партии – ни большевистской, ни меньшевистской. Впрочем, меньшевики никогда не были партий в том смысле, в каком ею были большевики, то есть единой сплоченной организацией. Плеханов до самой смерти (май 1918 г.) оставался главой небольшого кружка литераторов, признававших его непререкаемый авторитет.

Уже в 1905 году революция беспощадно выявила принципиальное различие между Лениным и Плехановым и в смысле идейно-политического направления, и психологически. Ленин был революционером страстным, решительным и радикальным. Плеханов тоже был революционером. Теоретически. И ограниченно – буржуазно-демократическим этапом революции. Вот что сказал о революции Ленин и что никогда не сказал бы Плеханов. «Революции – локомотивы истории, – говорил Маркс. Революция – праздник угнетенных и эксплуатируемых. Никогда масса народа не способна выступать таким активным творцом новых общественных порядков, как во время революции. В такие времена народ

способен на чудеса, с точки зрения узкой, мещанской мерки постепенного прогресса. Но надо, чтобы и руководители революционных партий шире и смелее ставили свои задачи в такое время, чтобы их лозунги шли всегда впереди революционной самостоятельности массы, служа маяком для нее, показывали во всем его величии и во всей его прелесть наш демократический и социалистический идеал, показывали самый близкий, самый прямой путь к полной, безусловной, решительной победе. Предоставим оппортунистам «освобожденской» буржуазии сочинять, из страха перед революцией и из страха перед прямым путем, обходные, окольные, компромиссные пути. Если нас силой заставят волочиться по таким путям, мы сумеем исполнить свой долг и на мелкой будничной работе. Но пусть сначала беспощадная борьба решит вопрос о выборе пути. Мы окажемся изменниками и предателями революции, если мы не используем этой праздничной энергии масс и их революционного энтузиазма для беспощадной и беззаветной борьбы за прямой и решительный путь. Пусть оппортунисты буржуазии трусливо думают о будущей реакции. Рабочих не испугает ни мысль о том, что реакция собирается быть страшной, ни о том, что буржуазия собирается отшатнуться. Рабочие не ждут сделок, не просят пощады, они стремятся к тому, чтобы беспощадно раздавить реакционные силы, т.е. к революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства. Слов нет, в бурное время больше опасностей угрожает нашему партийному кораблю, чем при тихом «плаваньи» либерального прогресса, означающего мучительно-медленное выжимание соков из рабочего класса его эксплуататорами. Слов нет, задачи революционно-демократической диктатуры в тысячу раз труднее, чем задачи «крайней оппозиции» и одной только парламентской борьбы. Но кто в настоящий революционный момент сознательно способен предпочесть мирное плавание и путь безопасной «оппозиции», – тот пусть лучше уйдет на время от социал-демократической работы, пусть дожидается конца революции, когда минет праздник, снова начнутся будни, когда его буднично-ограниченная мерка не будет таким отвратительным диссонансом, таким уродливым извращением задач передового класса» (т.11, стр. 103). А Плеханов как раз задумывался о грядущей реакции и именно к предполагаемой реакции (во время революционного подъема!) стремился приспособить лозунги и программные требования. «Смеем ли мы победить?» – прямо задавал вопрос Ленин. Он нисколько не исключал поражения, готов был исполнять свой долг «и на мелкой будничной работе». Но считал позором отступление, сдачу позиций, без испытания сил самой решительной беспощадной борьбой. Естественно, самым радикальным образом разошлись оценки Лениным и Плехановым декабрьского вооруженного восстания. По мнению Плеханова, надо было заранее, до сражения, правильно оценить соотношение сил и, поняв что шансов нет, не начинать стачку и не браться за оружие. Ленинский ответ противоположен. В момент, подобный декабрю 1905 года, нельзя узнать реальное соотношение сил без испытания в бою, нужно идти в бой с максимальной решимостью, нужно «более решительно, энергично и наступательно браться за оружие» (т. 13, стр. 371). По более общему вопросу – может, конечно, после революции быть реакция, но могут быть тысячи вариантов, и никто не может надежно угадать, какой именно состоится фактически. В любом случае для результата важнее всего то, что будет завоевано революцией в момент ее наивысших успехов. Принципиальное различие характера революционности Ленина и Плеханова сильнее всего проявлялось именно в моменты наивысшего подъема революции – в 1905 и 1917 годах. В такие моменты очень активны люди смелые, но безрассудные, увлекающиеся победоносной борьбой и яркой революционной фразой. Очень часто они оказываются неустойчивыми и сбиваются в годы реакции либо на безрассудные авантюры, не имеющие никаких шансов, либо на паническое бегство и самую позорную капитуляцию. И Ленин, и Плеханов такими не были, и в

годы реакции естественно сближались. Совсем несущественными оказывались различия между программами муниципализации земли и ее национализации, когда реализовывалась столыпинская аграрная программа, и не было сил этому помешать. Ленин не отрицал прогрессивность столыпинской программы, но боролся против такого прогресса всеми силами. В годы реакции оба деятеля ожесточенно воевали против меньшевистского ликвидаторства, большевистского бойкотизма-отзовизма-ультиматизма и мировоззренческой путаницы.

Империалистическая война круто перетряхнула политическую сцену. Плеханов свалился в социал-шовинизм, а Ленин сблизился с частью бывших ликвидаторов (Мартов и др.), которые стали интернационалистами. Но самым беспощадным испытанием для всех без исключения тогдашних политических деятелей стал 1917 год. Провалились все заметные до того политические фигуры за исключением Ленина и Троцкого, которые сумели договориться между собой. Деятельность Ленина в 1917 году – поистине уникальный эпизод во всемирной истории. Он справился с задачей невероятной трудности – разобрался в противоречивых настроениях весны 1917 года и точно определил задачи смелого, радикального, но трезвого и осмотрительного, революционера на всех этапах развивающегося процесса. И не только определил задачи, но и организовал практически их решение с невероятной энергией. С самого начала он уяснил, что «страна рабочих и беднейших крестьян раз в 1000 левее Черновых и Церетели, раз в 100 левее нас» (т.32, стр. 35). И в то же время – настроение «революционного оборончества», наивной доверчивости этих самых рабочих и крестьян к классовой врагу. До июльских событий Ленин решительно пресекал авантюристические стремления наиболее нетерпеливых большевиков, осторожно относился к массовому движению в Питере 3-5 июля и успел в последний момент отступить с минимальными потерями. Не смелость была его лозунгом в те месяцы, а осторожность. «Есть такая партия!» – сказал он съезду Советов, но только словами, ни в малейшей степени не силой, старался убедить людей в своей правоте. А в сентябре и октябре с бешеной энергией торопил колеблющихся с вооруженным выступлением, требовал тройной смелости. «История не простит промедления революционерам, которые могли победить сегодня (и наверняка победят сегодня), рискуя терять много завтра, рискуя потерять все» (т.34, стр. 436). Такая решительность в тот момент не была безрассудной, подобно смелости анархистов, левых эсеров, да и многих большевиков, которые были подхвачены волной революционного подъема и тоже внесли немалый вклад в великую революцию. Ленин не игнорировал исключительно трудный по существу и морально вопрос: «Удержат ли большевики государственную власть?» (т.34, стр. 287), а разобравшись с ним с максимально возможной обоснованностью. Его решительность была подкреплена трезвым политическим расчетом. Он рассчитал правильно – примерно на три месяца, на период триумфального шествия Советской власти, до немецкого ультиматума. Не стоило ли сделать попытку рассчитать заранее на более долгий срок? Конечно, нет. Возможных вариантов было неисчислимое множество, не было никакой возможности оценить степень реальности и опасности любого из них. Никак не мог предвидеть Ленин в октябре, что через три-четыре месяца не смелости он будет требовать от товарищей, а сдержанности, терпения и осторожности, не великого революционера Дантона будет ставить им в пример, а реакционное правительство королевской Пруссии времен Тильзитского мира. И в высшей степени правильно он делал в сентябре-октябре, когда не пытался конкретно угадать грядущие опасности, а всю энергию сконцентрировал на ближайшей задаче, будучи безгранично уверен в своих интеллектуальных возможностях и морально готов к таким последующим сложностям, как крах революционной армии при немецком наступлении и похабный мир с империалистическими разбойниками.

Позиция Плеханова в 1917 году не выдерживает никакой критики с точки зрения социалиста, революционера, да и просто трезвомыслящего политического деятеля. Оставаясь верным схеме, он непрестительно игнорировал конкретную реальность, настроение народа. Народу, переполненному энтузиазмом, только что свалившему многовековое самодержавие, Плеханов предлагал безоговорочно подчиниться трусливой и малоспособной к прогрессу буржуазии. Его выступлению на «Государственном совещании» в августе 1917 года заслуженно аплодировали буржуи, но оно вопиюще не соответствовало настроению массы народа. А на предостережения об опасностях, связанных с неподготовленностью страны к социализму в марксистском понимании, Ленин ответил впоследствии в заметках «О нашей революции». Обругав Н.Суханова за «до невозможной степени педантское» понимание марксизма (то же самое относится не в меньшей мере к тогда уже покойному Плеханову), Ленин указал на возможность иного по сравнению с «образцовым» западноевропейским варианта развития: «начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы» (т. 45, стр. 381). События, последовавшие за октябром 1917 года, ярко продемонстрировали еще одно коренное различие между Лениным и Плехановым. Ленин потенциально всегда был государственным деятелем, а Плеханов таковым в принципе не был. Очень трудно во всей

истории человечества найти другого государственного деятеля, который мог бы справиться с проблемами такой трудности, какие свалились на Ленина в 1917-1921 годах. Разгон Учредительного собрания, Брестский мир, переход к НЭПу, программа ГОЭЛРО – важнейшие решения, достойные государственного деятеля колоссального масштаба. А кроме того – тысячи незначительных решений текущих вопросов, от которых зависело, однако, выживание новорожденного государства в невероятно трудных условиях. На такое не был способен ни один из тогдашних деятелей, а Плеханова примерять на подобную роль было бы просто странно.

В заключение последнее – кто более матери-истории ценен? Конечно, Ленин, нет никакого сомнения. Но Плеханов тоже величина не маленькая, и он тоже матери-истории весьма и весьма ценен, и тем же самым, что и Ленин. А именно – громадным вкладом в создание и развитие не плехановской, а ленинской, большевистской партии, которая в решающий момент оказалась на высоте своей исторической ответственности, свершила Октябрьскую революцию и победила в гражданской войне. Дальнейшая история этой партии трагична и противоречива. В определенной степени историческую ответственность за нее разделяют ее основатели, Ленин и, в меньшей степени, Плеханов, но основная часть этой ответственности – уже на других деятелях, следующих поколениях.

Д. Могилевский

Наша Культура

ИДЕАЛЫ ОКТЯБРЯ

Идеалы Октября... Ныне одни говорят о них, как о вновь зовущей вперед путеводной звезде. Другие оплакивают их поругание. Третьи ерничают по их поводу. Как же понимали их современники Октябрьской революции, защитники ее завоеваний?

Н.А.Клюев. 1916 г.

терпения народа, истоки его социального протеста.

Дьявол, пишет Клюев, «царь всех угнетателей народов, внушил им для укрепления тирании адскую хитрость». Он указал угнетателям на две их опоры: «Священная собственность» и «Закон», а народу внушил «Слепое повиновение». В статье говорилось, что на пути к народному счастью стоят два чудовища – Капитал и Глупость. У престола Капитала теснятся «богачи и льстецы, хотящие стать богачами, падшие женщины, бесчестные пособники тайных пороков, шуты, сумасшедшие, лжепророки, люди насилия и хитрости, неумолимые сборщики податей». Но к 1917 году к народу пришло прозрение, он сверг былых кумиров и вступил в борьбу с их защитниками. Обращаясь к молодому воину, вставшему на защиту революции, поэт

Послушаем одного из участников событий тех лет, чье свидетельство особенно авторитетно в силу своеобразия его места в истории России, – поэта Николая Алексеевича Клюева.

В 1919 г., находясь «во глубине России» (Олонецкая губерния, поселок Вытегра), проникнувшись чаяниями крестьян и трудового городского люда, Н.А.Клюев в уездной газете публикует статью «Красный набат». В ней, используя образы русского фольклора, он характеризует устои власти эксплуататоров, и причины

вопрошает его об идеалах, которые он отстаивает, и воин отвечает ему.

Приведем эту воображаемую беседу по тексту Н.А.Клюева.

«– Молодой воин, куда идешь ты?

– Я иду сражаться во избавление братьев моих от угнетения, – разбить их окопы и окопы мира.

Я иду сражаться против неправедных людей за тех, кого они бросают на землю и топчут ногами, против господ за рабов, против тиранов за свободу.

Я иду сражаться за то, чтобы все не были добычей немногих, чтобы поднять согбенные головы и поддержать слабые колени.

– Да будет, благословенно оружие твое, молодой воин!»

«– Молодой воин, куда идешь ты?

– Я иду сражаться за то, чтобы отцы не проклинали больше того дня, когда им было сказано: «У вас родился сын», не проклинали матери того дня, когда они в первый раз прижали: его к своей груди.

Я иду сражаться за то, чтобы брат больше не печалился, видя, как вянет его сестра, словно травка на сухой земле; чтобы сестра не глядела больше на своего брата, который уходит и больше не вернется.

Я иду сражаться за то, чтобы каждый мог воспользоваться с миром плодами труда своего; иду осушить слезы малых детей, которые просят хлеба, а им отвечают: «Нет больше хлеба: у нас отняли все, что оставалось».

– Да будет благословенно оружие твое, молодой воин!»

«– Молодой воин, куда идешь ты?

– Я иду сражаться за бедных, за то, чтобы они не были больше навсегда лишены своей доли в общем наследии.

Я иду сражаться за то, чтобы изгнать голод из хижин, чтобы вернуть семьям изобилие, безопасность и радость.

Я иду сражаться за то, чтобы всем, кого угнетатели бросили в тюрьмы, вернуть воздух, которого недостает их груди, и свет, который ищут их глаза.

– Да будет благословенно оружие твое, молодой воин!»

«– Молодой воин, куда идешь ты?

– Я иду сражаться за то, чтобы опрокинуть лживые законы, отделяющие племена и народы и мешающие им